

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

«ГОРЫ КАВКАЗСКИЕ
ДЛЯ МЕНЯ СВЯЩЕННЫ»
МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

М. Ю. Лермонтов. Автопортрет

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
«ГОРЫ КАВКАЗСКИЕ
ДЛЯ МЕНЯ СВЯЩЕННЫ»
МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

Тбилиси
2020

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку — в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни близ Москвы заложена Грузинская слобода (в просторечье — «Грузины», ныне — Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой — в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские — опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» — первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия стала настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель —

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

Руководитель проекта —

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

При финансовой поддержке:

«Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы» и «Правительства Москвы»

ВСТУПЛЕНИЕ

Пребывание Михаила Лермонтова на Кавказе в 1837 году продлилось с апреля по декабрь. Непосредственно в Грузии поэт провел чуть более полутора месяцев – вторую половину октября, весь ноябрь, и выехал в Россию в начале декабря.

Но каким поэтическим подарком стал для него этот край!

Именно здесь началась творче-

ская зрелость поэта.

Неспроста зоркий и чуткий Виссарион Белинский писал о Лермонтове, что Кавказ сделался «его поэтической родиной, пламенно любимой им», что «на недоступных вершинах Кавказа, венчанных вечным снегом, находит он свой Парнас; в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он

свой Кастальский ключ, свою Ипокрену», что «юный поэт заплатил полную дань волшебной стране, поразившей лучшими, благодатнейшими впечатлениями его поэтическую душу. Кавказ был колыбелью его поэзии, так же, как он был колыбелью поэзии Пушкина, и после Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно величавой природы, как Лермонтов».

Очевидно, что великий критик придавал огромное значение кавказским впечатлениям Лермонтова, а тем самым – впечатлениям, полученным им в Грузии.

В числе бессмертных творений, зародившихся во время путешествий Лермонтова по Грузии, Кавказу, – «Демон», «Мцыри», отчасти «Герой нашего времени», «Дары Терека», «Казачья колыбельная песня», «Спор», «Тамара», «Свиданье», «Кавказец», «Ашик-Кериб»... А еще – десятки рисунков и живописных полотен, из которых до нас, к несчастью, дошла только часть.

«Если бы не бабушка... я бы охотно остался здесь», – писал Лермонтов из Грузии своему другу Святославу Раевскому. И ему же: «Если ты поедешь на Кавказ, то это, я уверен, принесет тебе много пользы физически и нравственно: ты вернешься поэтом, а не экономо-политическим мечтателем, что для души и для тела здоровее. Не знаю, как у вас, а здесь мне после Кавказа все холодно, когда другим

жарко, а уж здоровее того, как я теперь, кажется, быть невозможно».

Более того – желание вернуться в благословенный край не оставляло Лермонтова. «Просился на Кавказ, – жаловался он в 1838 году Марии Лопухиной, – отказали».

«НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ...»

Иногда (правда, крайне редко), но поэты тоже просыпаются знаменитыми.

Слава настигла 22-летнего корнета Лейб-гвардии Гусарского полка Михаила Лермонтова мгновенно. Это случилось в те трагические дни, когда в России (да и далеко за ее пределами) оплакивали Александра Сергеевича Пушкина...

27 января 1837 года (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) около 5 часов дня на Черной речке в окрестностях Петербурга состоялась дуэль Пушкина с Дантесом. Через час смертельно раненного поэта привезли в его квартиру на Мойке...

И хотя Пушкин был еще жив, по городу немедленно разлетелся слух о его смерти.

Это известие дошло и до Лермон-

О.Кипренский. Портрет А.С. Пушкина

К. Брюллов. Портрет В.А. Жуковского

това — он был болен, не выходил из дома.

На следующий же день, 28 января, он написал первые 56 строк стихотворения «Смерть Поэта», которое тогда оканчивалось четверостишьем:

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

Вскоре это стихотворение читал уже весь Петербург...

Пушкин умер 29 января в 2 часа 45 минут пополудни. На следующий день в «Литературных прибавлениях» к военной газете «Русский инвалид» появилось короткое извещение: «Солнце русской поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща! Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава! Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть!»

Ни у кого не нашлось сил, да и таланта, выразить великими словами всеобщее горе. Кроме Лермонтова. В его стихах современники обнаружили благородный гнев, гордую горесть и светлое утешенье в ужасные дни непоправимой утраты. Как свидетельствовал И.И. Панаев в своих «Литературных воспоминаниях», «стихи на смерть поэта переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми».

И вот Михаил Лермонтов, чьи стихотворные опыты были известны лишь в узких офицерских и светских кругах, вдруг предстал перед публикой во всей силе своего поэтического таланта, имя его прогремело в одночасье,

и он сразу стал одним из самых популярных писателей в России.

Василий Жуковский признал в произведении все проявления могучего дара, Александр Тургенев назвал эти стихи «прекрасными». Вообще – восхищенным отзывам не было числа. Говорили даже, что Жуковский прочитал стихотворение Его Императорскому Высочеству, и тот выразил свое одобрение, а Император, внимательно прочитавший стихи, якобы сказал: «Этот, чего доброго, заменит России Пушкина!»

Пожалуй, только один человек не удивился бы появлению этого шедевра – сам Александр Сергеевич, если бы был жив. Он первым (и давно) разглядел в Лермонтове большое дарование. Современник Мартынов писал: «Граф Васильев, который одно время немало общался с Пушкиным, когда они жили в Царском селе, вспоминает, что Пушкин сказал такую фразу о Лермонтове: «Далеко мальчик пойдет». А по словам биографа Лермонтова Павла Висковатова, Пушкин ознакомился с некоторыми стихотворениями юного корнета и сказал, что это «блестящие признаки высокого таланта».

Итак, Лермонтов, можно сказать, принял славную поэтическую эстафету из рук великого поэта, перед ним распахнулись настежь врата шумного успеха... И все, наверное, сложилось бы для него благополучно, и не было бы ни следствия, ни судебного разби-

рательства, ни ареста, ни ссылки на Кавказ. Но... 7 февраля Лермонтов написал заключительные 16 строк к стихотворению «Смерть Поэта»:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью
прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда —
все молчи!..
Но есть и божий суд,
наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли, и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете
к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей
черной кровью
Поэта праведную кровь!

Лермонтов не смог не приписать этих строк. Дело в том, что многие представители высшего общества считали, что Дантес обязан был поступить так, как поступил, и называли его поступок достойным. А дамы оправдывали Дантеса тем, что Пушкин был дурен собой, крайне ревнив и не имел права требовать от своей жены ни любви, ни верности.

Заметим в скобках, что иностран-

М.Ю. Лермонтов. Дарьяльское ущелье и замок Тамары. 1837

цы в России суду не подлежали, и Дантес чувствовал свою безнаказанность совершенно.

Последней каплей стал разговор Лермонтова с его родственником — Николаем Столыпиным, дипломатом, служившим под начальством графа Нессельроде. Подробное свидетельство прапорщика лейб-гвардии Драгунского полка Николая Юрьева, двоюродного брата и закадычного друга Лермонтова, дошло до нас в пересказе В.П. Бурнашева: «Столыпин расхваливал стихи Лермонтова на смерть Пушкина; но только говорил, что напрасно Мишель, апофеизируя поэта, придал слишком сильное значение его невольному убийце, который, как всякий благородный человек, после всего того, что было между ними, не мог не стреляться. *Honneur oblige!* («Честь обязывает!»). Лермонтов сказал на это, что русский человек, конечно, чистый русский, а не офранцузенный и испорченный, какую бы обиду Пушкин ему ни сделал, снес бы ее, во имя любви своей к славе России, и никогда не поднял бы на этого великого представителя всей интеллектуальности России своей руки. Столыпин засмеялся и нашел, что у Мишеля раздражение нервов, и перешел к другим предметам светской жизни и к новостям дня. Но Майошка (фамильное прозвище Лермонтова по имени популярного в те годы карикатурного типа французской сатирической литературы Майо) наш

его не слушал и, схватив лист бумаги, что-то быстро на нем чертил карандашом... Между тем Столыпин, заметив это, сказал, улыбаясь и полушепотом: «*La poesie enfante*» («Поэзия разрешается от бремени»); потом, поболтав еще немного и обращаясь уже только ко мне, собрался уходить и сказал Лермонтову: «*Adieu, Michel!*» («Прощай, Мишель!») Но наш Мишель закусил уже поводья, и гнев его не знал пределов. Он сердито взглянул на Столыпина и бросил ему: «Вы, сударь, антипод Пушкина, и я ни за что не отвечаю, ежели вы сию секунду не выйдете отсюда». Столыпин не заставил себя приглашать к выходу дважды и вышел быстро, сказав только: «*Mais il est fou a lier*» («Да ведь он просто бешеный»). Четверть часа спустя Лермонтов, переломавший столько карандашей, пока тут был Столыпин, и потом писавший совершенно спокойно набело пером то, что в присутствии неприятного для него гостя писано им было так отрывисто, прочитал мне те стихи, которые начинаются словами: «А вы, надменные потомки!», и в которых так много силы».

Приписка разлетелась по городу со скоростью света. И тут же закрутилось дело, за которым наблюдал лично император — «Дело по секретной части Министерства Военного департамента военных поселений, канцелярии 2-го стола № 22. По записке генерал-адъютанта графа Бенкендорфа о нежелательных стихах,

Франц Крюгер. Портрет Николая I

Дж. Ду. Портрет А.Х. Бенкендорфа

написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермантовым и о распространении оных губернским секретарем Раевским» (Уточним, что в официальных документах, начиная с метрического свидетельства о рождении и кончая приказом об исключении М.Ю. Лермонтова из списков Тенгинского полка за смертью, фамилия его писалась через «а». Сам поэт подписывался по-разному: сначала – Лермантов, Lerma, Lermantoff, а потом – Лермонтов, Lermontoff. Более правильное написание фамилии – через «о»: от шотландской или английской формы Learmont).

Записка шефа жандармов Бенкендорфа Николаю I, написанная по-французски, гласила: «Я уже имел честь сообщить вашему императорскому величеству, что я послал стихотворение гусарского офицера Лермантова генералу Веймарну, дабы он допросил этого молодого человека и содержал его при Главном штабе без права сношения с кем-нибудь извне, покуда власти не решат вопрос о его дальнейшей участи и о взятии его бумаг как здесь, так и на квартире его в Царском Селе. Вступление к этому сочинению дерзко, а конец – бесстыдное вольнодумство, более чем преступное».

На записке Бенкендорфа стоит резолюция Николая I, также по-французски: «Приятные стихи, нечего сказать; я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермантова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого молодого человека и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

Святослав Раевский был арестован за распространение стихов Лермонтова и написал соответствующее «объяснение», в котором, в частности, говорилось: «Экземпляры стихов раздавались всем желающим, даже с прибавлением двенадцати стихов, содержащих в себе выходку противу лиц, не подлежащих русскому

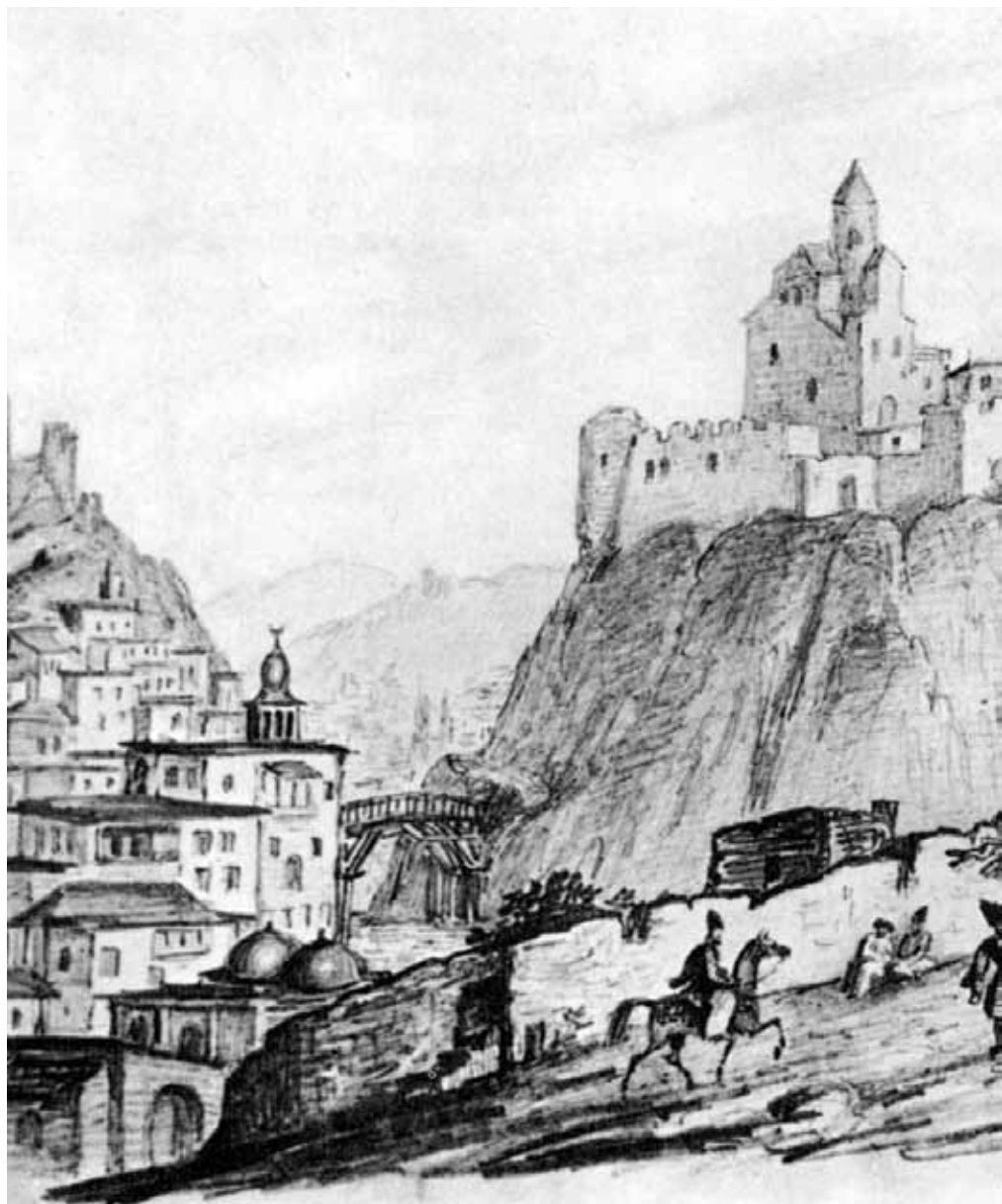
суду — дипломатов и иностранцев... Несколько времени это прибавление лежало без движения, потом по неосторожности объявлено об его существовании и дано для переписывания; чем более говорили Лермонтову и мне про него, что у него большой талант, тем охотнее давал я переписывать экземпляры. Раз пришло было нам на мысль, что стихи темны, что за них можно пострадать, ибо их можно перетолковывать по желанию, но сообразив, что фамилия Лермонтова

М.Ю. Лермонтов.
Портрет С.А. Раевского(?)

под ними подписывалась вполне, что высшая цензура давно бы остановила их, если б считала это нужным, и что государь император осыпал семейство Пушкина милостями, следовательно, дорожил им, — положили, что, стало быть, можно было бранить врагов Пушкина, оставили идти дело так, как оно шло...».

18 февраля (этой даты придерживается И.Л. Андроников) Лермонтова арестовали и поместили в одну из комнат Главного штаба. Письменное «объяснение» дал, разумеется, и он: «Невольное, но сильное негодование вспыхнуло во мне против этих людей, которые нападали на человека, уже сраженного рукой божией, не сделавшего им никакого зла и некогда ими восхваляемого; и врожденное чувство в душе неопытной защищать всякого невинно осуждаемого зашевелилось во мне еще сильнее по причине болезнью раздраженных нерв... Когда я стал спрашивать, на каких основаниях так громко они восстают против убитого, мне отвечали, вероятно, чтоб придать себе более весу, что высший круг общества такого же мнения. Я удивился. Надо мною смеялись... Отрекаться от <стихов своих>, хотя постиг свою необдуманность, я не могу: правда всегда была моей святыней, и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твердостью прибегаю к ней как единственной защитнице благородного человека перед лицом царя и лицом

М.Ю. Лермонтов. Тифлис. Майдан. Замок Метехи. 1837

божиим. Корнет лейб-гвардии Гусарского полка Михаил Лермантов».

Решение императора не заставило себя долго ждать: корнета Лермантова за сочинение стихов было приказано перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк в Грузию, а губернского секретаря Равевского за распространение этих стихов выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для определения на службу по усмотрению тамошнего губернатора.

10 апреля в «Ведомости о прибывших в Москву и выбывших из оной разных особ» в разделе «Выбыли из Москвы» значится: «По полудни в 1 час в Тифлис Нижегородского драг<унского> п<олка> пр<апорщик> Лермонтов».

Итак, Лермонтов выехал в Тифлис – по словам самого поэта, в «страну чудес». Надо сказать, у ссыльного было весьма неплохое расположение духа – его воодушевляли слова Наполеона: «Les grands noms se font à l'Orient» – «Великие имена возникают на Востоке».

«ВСЕ, ВСЕ В ЭТОМ КРАЕ ПРЕКРАСНО»

Как известно, Грузия – ментально необычная земля. Борис Пастернак даже говорил о «грузинском мессианстве». Эта страна всегда имела особое значение для русских поэтов, художников, музыкантов, артистов... Здесь они находили приют и пристанище, бежали сюда, спасались от преследований, отдыхали душой, черпали вдохновение.

Для поколения Лермонтова Грузия была поистине «волшебной страной», если повторить слова Белинского, к тому же – тем самым краем, который уже воспел великий Пушкин. И это только добавляло Грузии неповторимого очарования.

До своей ссылки в Грузию Лермонтов побывал на Кавказе трижды – в 1818-м, 1820-м и 1825 годах.

Впервые Мишель увидел Кавказ в раннем детстве. Бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева возила внука, который часто болел, на воды, целебная сила которых к тому времени уже была широко известна. По дороге они непременно останавливались в имении ее сестры, Екатерины Алексеевны Хастатовой, – оно находилось в станице на границе Чечни, на левом берегу Терека, и называлось Шелко-

М.Ю. Лермонтов. На Горячих водах. 1825

заводск, Шелководск, а чаще — Шелковое.

На Кавказе Лермонтов видел горцев в мохнатых шапках и бурках, скачки джигитов, танцы, слушал песни, легенды, предания. Пылкое воображение мальчика поражали рассказы о кровной мести, о сражениях и засадах...

Помните, как зовут брата Бэлы, похитившего ее для Печорина? Азамат. А одного из героев поэмы «Аул Бастунджи»? Акбулат. Так вот, ближайшие к имению Хастатовой аулы назывались Азамат-Юрта и Акбулат-Юрта.

Вообще, в основу всех юношеских кавказских поэм и стихотворений Лермонтова легли именно эти впечат-

ления — первые, неизгладимые.

Ему было 15 лет, когда он написал «Грузинскую песню» и сделал на полях примечание: «Слышано мною что-то подобное на Кавказе». Он слышал «подобное» в Шелковом, где в те времена, кроме русских казаков, жили около двухсот грузин и более пятисот армян.

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:

Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился:
Ах! ею старый армянин
Гордился!

Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика.

Его рука
Ласкает деву всякий день:
И что же?
Скрываются красы как тень.
О боже!

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но все любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Явился.
И перл, между ресниц, порой
Не бился...

Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
Как перенести!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал!
И труп преступницы волнам
Он предал.

Ираклий Андроников как-то вспомнил слова Пушкина о его же собственной поэме «Кавказский пленник», случайно попавшей ему в руки на станции Военно-Грузинской дороги, по пути в Арзрум: «Признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено верно. Сам не понимаю, каким образом мог я так верно, хотя и слабо изо-

бразить нравы и природу, виденные мною издали». «Если это удивляло самого Пушкина в его «Кавказском пленнике», — добавляет Андроников, — то еще более должно удивлять нас в юношеских кавказских поэмах Лермонтова. Он изобразил Кавказ конкретнее, чем Пушкин в «Кавказском пленнике». Даже трудно себе представить, как сумел он с таким правдоподобием, с такой точностью изобразить и природу, и нравы, и историю виденного им издали, да еще детскими глазами. Ведь жизнь по ту сторону

Неизвестный художник. Портрет Е.А. Арсеньевой. 1810-е гг.

Неизвестный художник. Портрет М.Ю. Лермонтова. 1820–1822 гг.

Терека была известна ему только со слов других».

Именно на Кавказе Мишель испытал и первую любовь... Через несколько лет, вспоминая о поездке 1825 года, он запишет в своей тетрадке: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея десять лет от роду?... Я

тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь: с тех пор я еще не любил так... с тех пор... я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны...»

А еще – Лермонтов обратится к

М.Ю. Лермонтов. Сцена из кавказской жизни. 1838

Кавказу с незабываемым поэтическим приветом: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе... Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры как стражи ночей отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываясь пеной, бежит безымянная речка, и выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный иль просто охотник... все, все в этом крае прекрасно».

ПО ПУТИ В ГРУЗИЮ

Трудным был в те годы путь из Петербурга на Кавказ. У Лермонтова же он получился особенно долгим – болезнь, лечение, бесконечные переезды...

10 апреля 1838 года, как мы помним, поэт выехал из Москвы. Проехал Тульскую, Орловскую и Воронежскую губернии, через станции при Средне-Егорлыкской, Медвежье-Колодезной и Московской кре-

постях проследовал к Базовой балке и Сабле. 24 апреля, скорее всего, он въехал в Ставрополь. Отсюда по Военно-Грузинской дороге ему надо было следовать дальше, к месту предписания – в Тифлис.

Но в дороге Лермонтов заболел, и из Ставрополя он переезжает в Пятигорский военный госпиталь.

И тут его предполагаемый маршрут меняется. 18 июля 1837 года он сообщает в письме бабушке: «Эскадрон нашего полка, к которому барон Розен велел меня причислить, будет находиться в Анапе, на берегу Черного моря, при встрече государя, тут же, где отряд Вельяминова, и, следовательно, я с вод не поеду в Грузию».

Дело было в том, что Нижегородский драгунский полк стоял, ничего не делая, – и это в то время, как уже началось важное военное событие – экспедиция за Кубань. Ее возглавил лично командующий Кавказской линией и Черноморией генерал А.А. Вельяминов. Дядя М.Ю.Лермонтова, генерал П.И. Петров, служил начальником штаба у А.А. Вельяминова и отлично понимал, что племяннику надо показать себя в бою, во время военных действий, а не отсиживаться в бездействующем полку – там себя не покажешь, не выслужишься (в хорошем смысле этого слова). У Вельяминова есть возможность отличиться, а значит – получить прощение государя.

М.Ю. Лермонтов. Вид Пятигорска. 1837

Прикомандирование Лермонтова было подписано 10 июля, но он задержался на водах из-за лечения и выехал в отряд лишь в сентябре. Через Ставрополь и укрепление Ольгинское Лермонтов едет в Тамань, чтобы оттуда отправиться в Анапу или Геленджик, где находился отряд генерала Вельяминова. И снова неожиданность — приходит

сообщение, что Николай I приказал распустить полки на зимние квартиры, и 25 сентября экспедиционный отряд выступил к Ольгинскому укреплению. Туда же из Тамани снова возвращается Лермонтов, где и получает очередное предписание: «Нижегородского драгунского полка прапорщику Лермонтову. Во внимание, что ваше благородие

прибыли к действующему отряду по окончании первого периода экспедиции, а второй период государь император высочайше повелеть соизволил отменить, я предписываю вам отправиться в свой полк; на проезд же ваш от укрепления Ольгинского до города Тифлиса препровождаю при сем подорожную № 21-й, а прогонные деньги извольте требовать по команде с прибытием вашим в полк».

Вскоре с Лермонтовым случается и первая неприятность. И она связана с именем Н.С. Мартынова (надо ли уточнять, что это был тот самый Мартынов?)

В Ольгинском Лермонтов должен был встретиться со своим одноклассником по школе юнкеров и передать пакет с письмами и деньгами от его родителей. 5 октября Мартынов пишет отцу: «Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил; но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письмо, также пропали; но он, само собой разумеется, отдал мне свои». 6 ноября Е.А. Мартынова отвечает сыну письмом, в котором сетует на пропажу писем и, по сути, обвиняет Лермонтова в том, что он распечатал и прочел эти письма: «Я так тревожусь за тебя, мой добрый друг, и буду счастлива и спокойна лишь по твоем возвращении. Как мы все огорчены тем, что наши письма, пи-

санные через Лермонтова, до тебя не дошли. Он освободил тебя от труда их прочитать, потому что в самом деле тебе пришлось бы читать много: твои сестры целый день писали их... После этого случая даю зарок не писать никогда иначе, как по почте; по крайней мере останется уверенность, что тебя не прочтут».

Покинув Ольгинское в первых числах октября, Лермонтов задерживается в Ставрополе. Здесь он бывает в доме своего родственника, начальника Штаба войск Кавказской линии и в Черномории генерал-майора П.И. Петрова, встречается с Н.М. Сатиным и доктором Н.В. Майером, знакомится с сосланными на Кавказ декабристами С. Кривцовым и В. Голицыным и, вероятно, с прибывшими из Сибири в первых числах октября В. Н. Лихаревым, М. А. Назимовым, М. М. Нарышкиным, А. И. Одоевским и А. И. Черкасовым. О дружбе Лермонтова с Одоевским мы еще расскажем...

Также есть основание предполагать, что Лермонтов в эти дни наведлся в имение Хастатовых Шелковое на Тереке, неподалеку от Кизляра.

Мцхета. Слияние Арагвы и Куры

ЗАГАДКИ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, ВЕРСИИ...

Главный источник сведений о первой кавказской ссылке Лермонтова – его подробное письмо другу С. Раевскому, написанное из Тифлиса. Точнее Михаила Юрьевича не расскажешь, поэтому приводим текст целиком:

«Наконец, меня перевели обратно в гвардию, но только в Гродненский

полк, и если б не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли Поселение веселее Грузии. С тех пор как я выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже... Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах; меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить – в месяц меня воды совсем поправили; я никогда не был так здо-

М.Ю. Лермонтов. Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби. 1837-1838 гг.

ров, зато веду жизнь примерную; пью вино только тогда, когда где-нибудь в горах ночью прозябну, то приехав на место, греюсь... Здесь, кроме войны, службы нету; я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два-три выстрела; зато два раза в моих путешествиях отстреливался: раз ночью мы ехали втроем из Кубы, я, один офицер нашего полка и Черкес (мирный, разумеется), – и чуть не попались шайке Лезгин. – Хо-

роших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные; а что здесь истинное наслаждение, так это татарские бани! – я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию; одним словом, я вояжировал. Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии, как на

блюдоchке, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух – бальзам; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит – ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь. Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, – да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским. Ты видишь из этого, что я сделался ужасным бродягой, а право, я расположен к этому роду жизни. Если тебе вздумается отвечать мне, то пиши в Петербург; увы, не в Царское Село; скучно ехать в Новый полк, я совсем отвык от фронта и серьезно думаю выйти в отставку. Прощай, любезный друг, не позабудь меня, и верь все-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты через меня пострадал. Вечно тебе преданный М. Лермонтов».

Документальных материалов о пребывании Лермонтова на Кавказе, точных свидетельств – до обидного мало, из автографов 1837 года сохранилось всего лишь несколько разрозненных листков. Пытаясь восстановить точную хронологию и географию кавказского вояжа поэта, мы поневоле вступаем в область предположений и гипотез, по поводу которых био-

графы и исследователи не сошлись во мнениях даже сегодня.

Лермонтоведы, как говорится, «ломают копыя, ломают луки». И это – их право и обязанность.

Нам же остается – для полноты и ясности картины – представить вам ряд достаточно достоверных и убедительных версий, которые существуют на сегодняшний день.

Итак, в первых строках своего письма поэт, прибывший по предписанию в Нижегородский драгунский полк, сообщает Раевскому о том, что его перевели в Гродненский полк. Вот что это значило. 11 октября 1837 года в Тифлисе был отдан высочайший приказ по кавалерии о переводе «прапорщика Лермонтова лейб-гвардии в Гродненский гусарский полк корнетом» – бабушка поэта не переставала хлопотать с того самого дня, как внука арестовали, и ее старания увенчались успехом. 1 ноября высочайший приказ опубликован в «Русском инвалиде». Давайте подсчитаем: от Тифлиса до Петербурга приказ шел три недели, и столько же времени шел от Петербурга до Тифлиса номер «Русского инвалида» с опубликованным приказом. Он не мог быть получен в Тифлисе раньше 22 ноября. Затем приказ должны были доставить из Тифлиса в кахетинское селение Караагач, где квартировал Нижегородский драгунский полк, и это могло произойти только на третий день. Таким образом, Лермонтов чис-

М.Ю. Лермонтов. Вид Тифлиса. 1837

лился в полку до 25 ноября – в этот день он и был официально выключен из списков офицеров полка.

Но вот вопрос: где находился Лермонтов 11 октября 1837 года, и почему высочайший приказ о переводе был подписан именно в этот день? Дело в том, что 10 октября 1837 года

на Дидубийском поле под Тифлисом император Николай I произвел смотр войсковым частям Кавказского корпуса. В их числе были и четыре эскадрона Нижегородского полка. Император нашел их в отличном состоянии и остался чрезвычайно доволен – настолько, что на следующий день под-

М.Ю. Лермонтов. Военно-Грузинская дорога близ Мцхеты. 1837

писал приказ о переводе прапорщика полка Лермонтова, тем более что за поэта ходатайствовали многие – давно и упорно.

Так был ли Лермонтов на смотре или нет? Точного ответа на этот вопрос до сих пор нет, только версии. Ираклий Андроников и Иван Ениколопов убеждены, что Лермонтов участвовал в смотре 10 октября, на следующий день получил предписание о переводе в Гродненский полк, но вернуться в Россию не торопился и задержался в Тифлисе. Другие исследователи считают, что поэт в это время находился в Ставрополе или

на Тереке (имеется в виду тот самый возможный визит Лермонтова в имение Хастатовых, о котором мы уже упоминали), но успешный смотр Нижегородского полка, где числился поэт, счастливым, хотя и косвенным, образом повлиял на его судьбу.

«Изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии», – пишет в письме Раевскому поэт. Казалось бы – яснее некуда. Но вопросы не кончаются. Когда и откуда Лермонтов прибыл в Тифлис? Сколько раз он там побывал? Когда приехал в Нижегородский полк, в Кахетию? С

Храм Джвари

кем общался?

Как говорят в таких случаях, давайте обо всем по порядку.

В Тифлисе, скорее всего, Лермонтов побывал дважды — до и после пребывания в Нижегородском полку в Кахетии.

Из России в Грузию он ехал по Военно-Грузинской дороге — это был единственный путь, который соединял Владикавказ с Тифлисом через главный Кавказский хребет («перевалился через хребет в Грузию», пишет поэт), на перекладных, то есть на казенных лошадях — от одной станции до другой. Путешествовал в коляске — «в тележке», говоря словами Лермонтова. Ночевал, как было заведено, на станциях, а утром, сменив лошадей, следовал дальше.

Из всего путешествия самое сильное впечатление на Лермонтова произвели переход через Крестовый перевал и Кайшаурская долина. И это уже не версия. Судите сами. Первая страница повести «Бэла». Второй абзац. «Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неумоимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая

бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглы ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею».

«Разве это не самый замечательный пейзаж во всей русской литературе?!» — с восторгом спрашивает Ираклий Андроников.

А описание долин в поэме «Демон»? Помните?

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливым, пышным край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчаные плющом,
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений!
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!..

«Перевалив через хребет», Лер-

монтов бросил «тележку» и «стал ездить верхом». Дарьял, Гуд-гора, Казбек, Коби, Гудаури...

Первая большая станция – Мцхета, один из древнейших городов Грузии. У слияния реки Арагвы с рекой Курой Лермонтов задержался на несколько дней.

Кто из нас не помнит классических строк –

Немного лет тому назад
Там, где сливаясь шумят
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И ныне видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадилиц благонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой – и о том
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь в такой-то год
Вручал России свой народ.

Но что именно послужило источником вдохновения поэта? С одной стороны, местом действия поэмы «Мцыри» традиционно считается храм Джвари (во времена Лермонтова – бывший монастырь). Истины

М.Ю. Лермонтов. Дарьяльское ущелье возле станции. 1837

ради добавим, что некоторые исследователи полагают, что речь идет о Зедазенском монастыре. С другой стороны, абсолютно очевидно, что в начале поэмы Лермонтов описывает собор Светицховели и могильные плиты, под которыми похоронены грузинские цари Ираклий II и Георгий XII. Истина, как это часто бывает, оказывается где-то посередине, и ее, на наш взгляд, сформулировал И.Л. Андроников: «Никаких документальных данных о том, что Лермонтов побывал в этом храме, у нас не имеется. Но стоит только подняться туда – и вы поймете, что поэт побывал, не мог не побывать здесь, что, создавая свою поэму о Мцыри, он вспоминал этот великолепный памятник древнего зодчества, давно уже опустелый, остатки окружавших его когда-то стен и башен, обрушенные столбы ворот, открывающуюся сверху величествен-

Мцхета. Храм Светицховели. Современный вид

Дом номер 2 на бывшей Алавердской площади

ную панораму. Оттуда виден и Кавказ. Становится понятным, что гробницы грузинских царей привлекли внимание Лермонтова в одном храме, а в другом поразило удивительное местоположение и подлинно романтическая обстановка. В своем описании поэт слил два мцхетских храма».

Но вот Военно-Грузинская дорога кончается, и Лермонтов – в Тифлисе.

С кем он там виделся, как провел дни? Во многом можно только предполагать.

Не вызывает сомнений, что Лермонтов хорошо узнал Тифлис – он замечательно описал его в стихотворении «Свидание»:

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремячею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущельи мгла и дым...
Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные
Как сторожи стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
Бредут, едва скользя...

Но под чадрую длинную
Тебя узнать нельзя!..

В Тбилиси сразу два адреса связаны с именем Лермонтова. Дом номер 2 на бывшей Алавердской площади (ныне площадь Гудиашвили) — это так называемый «Лермонтовский дом», двухэтажное угловое здание с выдающимся вперед резным балконом. В 1837 году в этом доме находилась своего рода офицерская гостиница, в которой размещались офицеры из разных полков, расквартированных в Тифлисе. Вполне возможно, что здесь проживал и прапорщик Нижегородского драгунского полка Михаил Лермонтов.

Есть также предположение, что Лермонтов жил в доме своей троюродной тетки по материнской линии Прасковьи Николаевны Ахвердовой на улице, которая тогда называлась Садовой (бывшая Бебутовская, затем Энгельса, ныне Ладо Асатиани). Этот дом до наших дней не сохранился, а стоял он на том участке, где сейчас находится здание Союза писателей Грузии. В 1837 году Прасковья Николаевна в Тифлисе уже семь лет как не было, она переехала в Россию. Ее дом и сад за несколько лет до приезда Лермонтова достались Казенному институту благородных девиц, а флигель (в котором много лет жила семья Александра Чавчавадзе) остался у пасынка Ахвердовой, сына ее мужа, Егора Федоровича, подпоручика Гру-

П.Н. Ахвердова

зинского гренадерского полка. Если Лермонтов и останавливался по этому адресу, то именно у Егора Ахвердова.

Кстати, надо сказать, что Ахвердова постоянно поддерживала отношения со своей родственницей Елизаветой Арсеньевой. А Лермонтов часто виделся с Прасковьей Николаевной в Петербурге. Добавим, что Александр Чавчавадзе, находясь в российской столице, тоже регулярно навещал Ахвердову, ведь он еще в начале 1820-х годов пригласил ее к своим дочерям

Черновик поэмы «Сашка»

Нине и Екатерине в качестве воспитательницы. Умная, образованная женщина, Ахвердова прожила в семье Чавчавадзе около тридцати лет и по праву считалась второй матерью Нины Александровны Грибоедовой и Екатерины Александровны Дадияни. Возможно, именно там, в Петербурге, у Прасковьи Николаевны, впервые и встретились Чавчавадзе и Лермонтов. Рисунки поэта на черновиках поэмы «Сашка» (1835-1836 гг.) изображают военного, чей красивый профиль удивительно напоминает портрет князя Чавчавадзе. Причем Лермонтов, видимо, встречался с ним в домашней обстановке – на одном из рисунков густой штриховкой изображена отросшая щетина.

Как известно, в Тбилиси по сей

день святым местом паломничества для русских деятелей культуры остается могила Александра Сергеевича Грибоедова. В сохранившихся бумагах Лермонтова нет ни одной записи, ни одного рисунка, которые подтвердили бы нам, что он поднимался на гору Мтацминда.

И все-таки исследователи убеждены, что Лермонтов не мог не поклониться Грибоедову.

Как не вспомнить, что, находясь в Тифлисе, Пушкин, по свидетельству очевидца, посетил еще свежую тогда могилу Грибоедова, «пред коей...

А.Г. Чавчавадзе

**Э.Ф. Дессэн. Портрет
Нины Чавчавадзе-Грибоедовой**

преклонил колена и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы»...

Ряд ученых-биографов настаивает, что, находясь в Тифлисе, Лермонтов общался с семейством Чавчавадзе. В качестве доказательства приводится запись на обороте листка со стихотворением «Спеша на север издалека», сделанная рукой поэта: «Майко. Мая». Чьи это имена? Ученые пришли к выводу, что Майко

– это Мария Косроевна Орбелиани, прославленная красавица 1830-1840-х годов, а Мая – это Майя Орбелиани. Тем более что Орбелиани были в близком родстве с Чавчавадзе, а все родственники Чавчавадзе – так уж было заведено! – часто бывали в его доме. К тому же в середине октября семейство Чавчавадзе находилось в Тифлисе – на четвертый день пребывания императора Николая в Тифлисе грузинское дворянство давало бал, и на этом балу были и Нина Грибое-

Надгробие на могиле А.С. Грибоедова

дова, и Маико Орбелиани. И если мы примем версию, что в это время Лермонтов находился именно в Тифлисе, а не в Ставрополе или Кизляре, значит, Чавчавадзе находились в Тифлисе одновременно с Лермонтовым, и поэт встречался с красавицами Орбелиани. А если так, то Лермонтов не мог не познакомиться и с другими поэтами Грузии – с Григолом Орбелиани и Николозом Бараташвили. И, значит, Лермонтов непременно встречался и с Владимиром Вольховским, лицейским товарищем Пушкина, удаленным на Кавказ за участие в заговоре декабристов.

Есть версия, что в дом Чавчавадзе в Тифлисе Лермонтова привел Александр Иванович Одоевский (хотя, как мы уже убедились, по праву давнего знакомства поэт мог бы явиться и сам, без дополнительной рекомендации).

Напомним, Одоевский участвовал в восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, 16 декабря добровольно явился к петербургскому обер-полицмейстеру, был приговорен к 12 годам каторги, в 1826 году срок был сокращен до восьми лет. Именно Александр Одоевский написал ответ на послание в Сибирь А. С. Пушкина: «Струн вещей пламенные звуки...» В 1837 году корнет Одоевский был переведен солдатом из Сибири в Грузию, в Нижегородский драгунский полк.

Скорее всего Лермонтов встре-

**М.Ю. Лермонтов. Портрет
А.И. Одоевского**

тился и подружился с Одоевским осенью 1837 года, на пути в Тифлис. Они вместе проехали весь путь по Военно-Грузинской дороге до Тифлиса. Александр Иванович был двоюродным братом А.С. Грибоедова, на этом и основывается предположение, что он навестил в Тифлисе Нину Грибоедову и познакомил с ней Лермонтова.

В Грузии Михаил и Александр очень сблизились. В 1839 году, когда Одоевский неожиданно тяжело заболел и скончался, Лермонтов посвятил другу стихотворение «Памяти А.И. Одоевского»:

Я знал его — мы странствовали с ним
 В горах востока... и тоску изгнания
 Делили дружно; но к полям родным
 Вернулся я, и время испытанья
 Промчалось законной чередой;
 А он не дождался минуты сладкой:
 Под бедною походною палаткой
 Болезнь его сразила, и с собой
 В могилу он унес летучий рой
 Еще незрелых, темных вдохновений,
 Обманутых надежд
 и горьких сожалений...

Рассказывая о пребывании Лермонтова в Тифлисе, нельзя не вспомнить одного загадочного текста, который уже вводил в заблуждение не одного простодушного читателя. Речь идет о наброске «Я в Тифлисе...», который не раз принимали за автобиографические заметки поэта. Мудрено себе представить, чтобы офицер Лермонтов в Тифлисе сбрасывал в Куру трупы... Конечно, это план повести, а не дневник. К тому же некоторые его фрагменты получили дальнейшее развитие в повести «Тамань». Но этот набросок чрезвычайно интересен тем, что в нем упомянуты инициалы реальных людей, с которыми поэт непосредственно общался в Тифлисе. Но лермонтоведы и в этом вопросе умудрились не прийти к единому мнению. Так, «ученый татар <ин> Али и Ахмет» — это, по мнению И. Андроникова, Мирза Фатали Ахундов. А по версии И. Ениколопова, Али — это тифлисский ахунд (мусульманский уче-

ный высшего разряда) Мамед-Али, а Ахмет — его племянник. В. Мануйлов полагает, что «Петр» — дальний родственник Лермонтова, генерал-майор П.И. Петров, а «Г.» — тифлисский оружейный мастер Геург, а тот же И. Андроников уверен, что «Петр» — это штаб-офицер штаба Отдельного Кавказского корпуса, постоянный житель Тифлиса П.Е. Петров, а «Г.» — штаб-лекарь Тифлисского госпиталя Ф. П. Герарди. Так или иначе, как вы сами можете убедиться, круг общения Лер-

Мирза Фатали Ахундов

монтова в Тифлисе был весьма широким и пестрым.

На Кавказе Лермонтов, как следует из его письма Раевскому, «начал учиться по-татарски». Кто был его учителем, где именно проходили эти занятия? В этом вопросе мнения исследователей также расходятся. Существует предположение, что изучать татарский язык Лермонтов начал в Шемахе, и там же записал сказку «Ашик-Кериб» со слов местного ашуга. Есть и другая версия – «ученым татарин», который обучал Лермонтова в Тифлисе и помог ему записать сказку про Ашик-Кериба, был Мирза Фатали Ахундов (который, кстати, серьезно дебютировал в поэзии элегией на смерть Пушкина). Добавим, что до Лермонтова уроки языка у Ахундова брал Александр Бестужев-Марлинский, а после него – Яков Полонский, который к тому же начал изучать местный фольклор.

Обратимся вновь к письму поэта. Лермонтов пишет, что «был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии».

И снова – версии...

Есть предположение, что, прибыв в Тифлис, Лермонтов получил предписание явиться к своему полку в город Куба (Губа). Дело заключалось в том, что 5 сентября 1837 года в Губе сподвижник Шамиля Иса-бек поднял восстание. Его поддержал прибывший из Дагестана отряд лезгин. На выручку осажденному гарнизону Губы русское командование отпра-

вило отряд генерала Севарсамидзе, в который входили и два эскадрона Нижегородского полка. Но пока нижегородцы добирались до места, осада Губы была снята, и их помощь не понадобилась. К 22 сентября драгуны дошли только до Шемахи. Там они и находились, когда Лермонтов прибыл в Грузию. Направленный в Губу Лермонтов своего полка там не нашел, и отправился в Шемахи, откуда вместе с однополчанами и отправился наконец в Кахетию, в Караагач, к месту стоянки Нижегородского драгунского полка.

По пути следования Лермонтов непременно должен был проехать через Нуху (а не Шушу, как указано в письме), так как другой дороги из Шемахи в Караагач в то время просто не было. Шуша находилась далеко от Губы и Шемахи. Возможно, тот факт, что в письме к Раевскому упомянута не Нуха, а Шуша, – это просто описка. Правда, некоторые исследователи настаивают, что из Тифлиса Лермонтов выехал не в Шемаху, а в Шеки, название которой он и спутал с Шушой. Шеки была родиной его нового друга, Мирзы Фатали Ахундова, и он не мог не посоветовать Лермонтову посетить эти места...

Так или иначе, Лермонтов, наконец, прибывает, в Караагач.

Цинандали

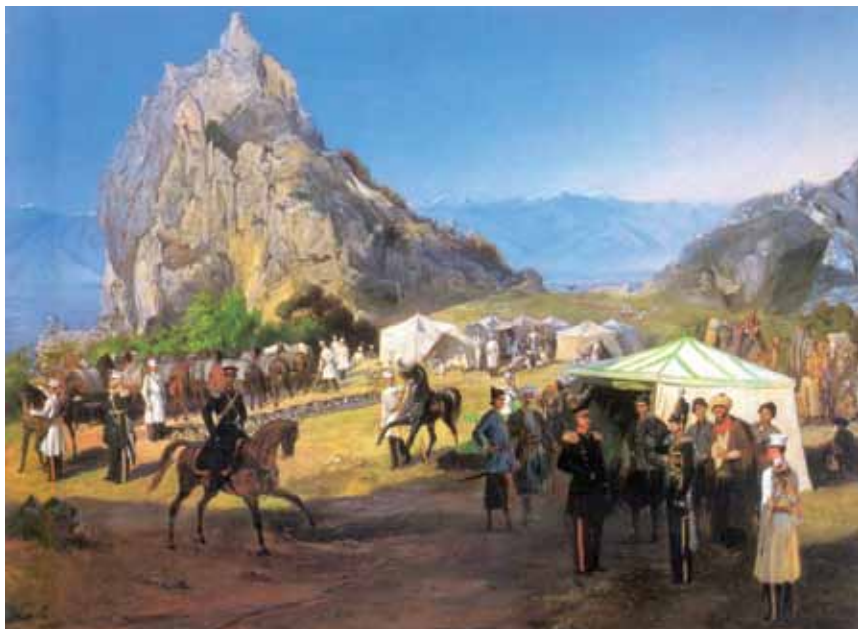
В ПОЛКУ

На протяжении веков Кахетия первой принимала на себя вражеские удары – ведь нападали, как правило, с востока. Она была ослаблена, разрушена. После подписания трактата 1783 года и присоединения Грузии к России в 1801 году эти места начали возрождаться, поскольку именно здесь, в юго-восточной части Кахе-

тии, близ селения Дедоплисцкаро (в буквальном переводе «Царицын источник»), появилось первое русское военное укрепление, которое назвали Царские Колодцы. Как видим, название перевели с грузинского почти дословно. (Уточним, что оно связано с именем царицы Тамар – по преданию, ее слуги именно в этих местах обнаружили изумительную питьевую воду).

Постепенно вокруг Колодцев стали формироваться русские поселения – Мазовка, Поселение, Драгунский

Г. Гагарин. Карагач. Главная квартира Нижегородского драгунского полка. 1841

колодец, Юрицинский полк, Драгунский полк, Слободка, Источник Тамары...

Царские Колодцы вдохновили на научные и художественные труды многих русских литераторов и общественных деятелей – декабрист А. Якубович стал автором книги «Русское право на Кавказе», историк О. Корнилович в многочисленных письмах оставил интересные исторические подробности об этом крае, блестящий инженер-топограф Д. Искрицкий составил точные карты кахетинской местности, художники С. Васильковский и Г. Гагарин написали замечательные картины, донесшие

до потомков внешний вид ныне разрушенных исторических памятников и портреты известных людей того времени, А. Бестужев-Марлинский воспел в своих стихотворениях красоты местной природы...

9 апреля 1809 года Нижегородский драгунский полк прибыл в Тифлис, затем принял участие в военных действиях против персов и лезгин, а в 1813 году расположился в Кахетии.

Не существовало такой воинской награды, которой не были бы удостоены офицеры этого полка. Полк стал местом службы разжалованных и сосланных в «Южную Сибирь» декабристов: в нем служило около тридца-

ти офицеров – участников восстания на Сенатской площади.

Полк квартировал, как уже было сказано, в Караагаче. Старшим штаб-офицером Нижегородского драгунского полка, а некоторое время и командиром, служил Александр Гарсеванович Чавчавадзе.

«Среди нижегородцев... появился князь Александр Гарсеванович Чавчавадзе, а с ним и возможность сближения с грузинским обществом, – писал историк нижегородских драгун В. Потто. – С прибытием в полк Чавчавадзе, среди этого дружелюбного грузинского общества, на незатейливых, но радушных пирах его начали появляться и наши нижегородцы... Связующим звеном между ними становился грузин, и в то же время нижегородец, тот самый князь Чавчавадзе, которого почитала вся Грузия как представителя знатного рода, как одного из своих доблестнейших воинов и, самое главное, как своего великого поэта, не имеющего поныне соперников в родной литературе... Естественно, что первые шаги сближения нижегородцев с грузинами и сделаны были в доме того же Чавчавадзе, в знаменитом имении его Цинондалах».

Многие исследователи полагают, что Лермонтов просто не смог бы миновать поместье Александра Чавчавадзе. К тому же командир дивизиона Нижегородского драгунского полка генерал Севарсамидзе не возражал, если прапорщик Лермонтов и

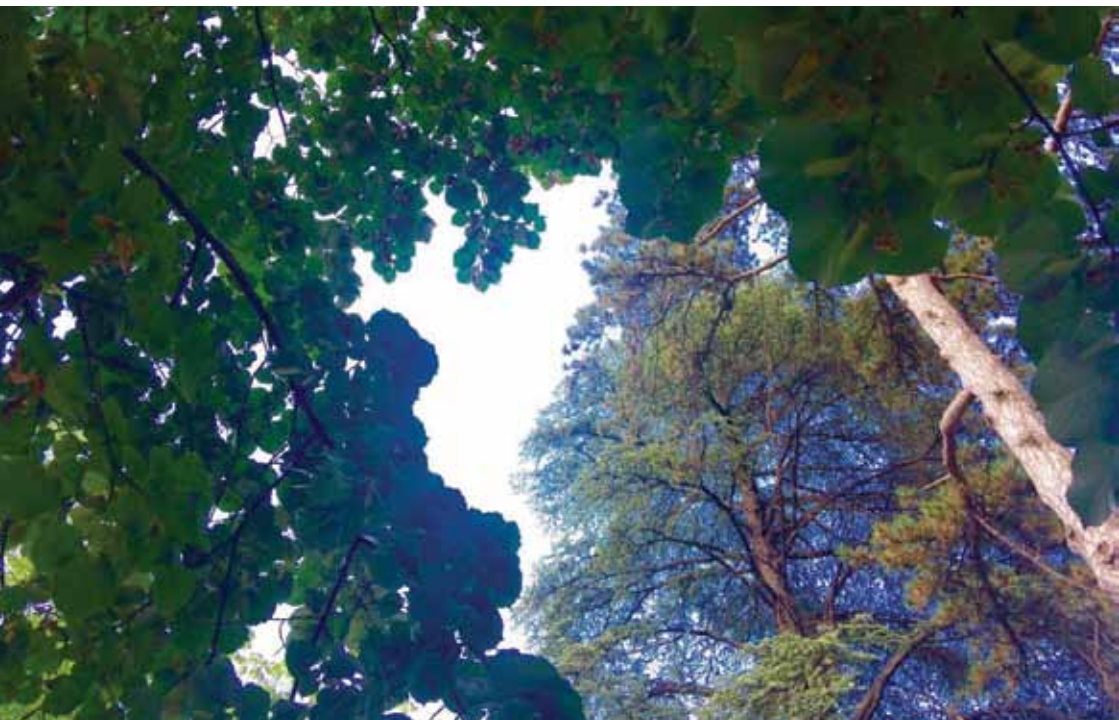
разжалованный в солдаты Одоевский (напомним, кузен А.С. Грибоедова) время от времени отлучались из введенного ему дивизиона.

О давнем знакомстве Лермонтова и Чавчавадзе мы уже рассказали. Остается добавить, что сын Александра Гарсевановича Давид был однокурсником Лермонтова в Петербургской школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Существует версия, что знакомство Лермонтова с Александром Чавчавадзе в Санкт-Петербурге состоялось не столько (или не только) благодаря Прасковье Ахвердовой, но и Давиду Александровичу, который не раз приглашал своего сокурсника в отчий дом.

Историки литературы утверждают, что Лермонтов и Бараташвили никогда лично не встречались. Но они жили в одну эпоху, были ровесниками и желанными гостями в доме князя Чавчавадзе.

Из опубликованных мемуаров Русудан Николаевны Николадзе, дочери выдающегося общественного деятеля Нико Николадзе, следует, что Лермонтов и Бараташвили все-таки встречались. Автор утверждает, что Нина Чавчавадзе-Грибоедова подарила русскому поэту старинный кинжал, принадлежавший ее мужу, и это вдохновило Лермонтова на создание знаменитого стихотворения «Кинжал», которое он прочитал Николозу Бараташвили. Ну что тут скажешь?

В цинандальском парке

Воспоминания Русудан Николаевны можно как принять на веру, так и подвергнуть сомнению...

В Нижегородском полку вместе с Лермонтовым служило немало грузин: подполковник Бараташвили, майор Корганашвили, штабс-капитаны Павленишвили и Шаликашвили, прапорщики Андроникашвили, Иоселиани, Эристави, Мачабели, Сакварелидзе-Бежанишвили, а также братья знаменитого своим гостеприимством Гулбата Чавчавадзе, жившего в том же Цинандали, Ясон и Спиридон.

Исследователи не исключают, что там же, в Цинандали, Лермонтов внимал рассказам Нины Александровны о Грибоедове и его трагической гибели в Тегеране, читал им стихи, слушал стихи хозяина и строфы из поэмы Руставели.

Так это было или иначе, но Лермонтов с огромным вниманием относился к новым для него обычаям, запоминал значения грузинских слов, использованных им в работе над поэмой «Демон», которую поэт снабдил небольшим словарем: «Чадра – по-

крывало. Журна – в роде волынки. Чуха – верхняя одежда с откидными рукавами. Папаха – баранья шапка персидская, в роде ериванки. Чингар, чингура – род гитары».

После гибели поэта Александр Чавчавадзе, который очень любил Лермонтова и хотел увековечить его память на кахетинской земле, на собственные средства установил ему памятник в Караагаче. Долгие годы драгуны Нижегородского полка, как и все жители Кахетии, отдавали дань памяти любимому поэту, кланяясь памятнику, в который было вложено так много доброй памяти и светлого чувства... Кстати, то, что это не легенда и памятник Лермонтову в Караагаче действительно был установлен, свидетельствовал, как указывает «Лермонтовская энциклопедия», лично Важа Пшавела.

ДОМ НЕЧВОЛОДОВЫХ

Наш рассказ о пребывании Михаила Лермонтова в Кахетии не будет полным, если мы не вспомним об одном уникальном доме в Царских Колондах. Невероятно, но этот дом цел по сей день. Здесь и сегодня хранятся предметы, которых касались или ко-

торые видели Одоевский, Якубович, Бестужев, Бестужев-Марлинский, Мусин-Пушкин... В гостиной танцевал мазурку 23-летний Лермонтов. В этом доме жил Лев Пушкин, и исследователи не исключают, что, находясь в Грузии в 1829 году, Александр Сергеевич Пушкин заезжал в Царские Колонды проводить брата...

Дом некогда принадлежал офицеру Нижегородского драгунского полка Григорию Ивановичу Нечволодову. Нечволодов служил у Суворова, переходил с ним через Альпы и Чертов мост. Окончил войну поручиком с брильянтовыми знаками святой Анны 2-й степени на шее – награда в молодом возрасте исключительная. После участия в дуэли со смертельным исходом Нечволодова лишили чинов и орденов, сослали на север, откуда он бежал в Англию. Там от бедности он нанялся волонтером в английские войска, готовившиеся к отплытию в Индию. По просьбе графа С.Воронцова император Александр помиловал Нечволодова, но ордена надо было заслужить вновь. Вскоре он вернул себе суворовские награды, получил новые и чин капитана. По страстной любви он женится на польской графине Тышкевич. Поскольку надменная родня была против брака с небогатым русским, Нечволодов с помощью друзей увез графиню из родового замка и обвенчался с ней в деревенской церквушке... Однажды за карточным столом майор Нечволодов

Дом Нечволодовых в Дедоплискар

(а игрок он был страстный) проиграл 17 тысяч казенных денег. Его опять разжаловали в рядовые и направили на Кавказ, в Нижегородский полк. Нечволодов служит блестяще, и сам генерал Алексей Петрович Ермолов просит о его полном прощении. Однако Нечволодова произвели только в прапорщики. Тогда Ермолов прикомандировал Григория Ивановича к казакам, у которых было свое чинопроизводство, и через четыре года Нечволодов вернул себе чин майора

и все награды. Детей у Нечволодовых не было, и они удочерили сироту-черкешенку. По пути из станицы Белореченской в Дедоплискар, куда надлежало вернуться Григорию Ивановичу, во Владикавказе внезапно умирает графиня Тышкевич. Нечволодов растит девочку один. Катенька становится всеобщей любимицей, «дочерью полка», и получает воспитание от блестяще образованных офицеров Нижегородского полка – Льва Пушкина, Бестужева, Искрицкого. В

1830 году повзрослевшая Екатерина вышла замуж за Григория Ивановича. Екатерина Григорьевна родила двух дочерей и сына и надолго пережила супруга.

Именно благодаря Катеньке дом Нечволодовых и вошел в историю. Он стал литературным и музыкальным салоном, да и просто местом для дружеских встреч, где всегда было уютно, радостно и интересно. Катенькой были увлечены Григол Орбелиани, князя Чавчавадзе (в полку служили семеро из рода). Михаил Розенгейм (впоследствии – генерал-майор, известный поэт и публицист) писал: «Да, помню я ваш дом, радушьем знаменитый, /Приют гонимых всех суровою судьбой, /Для всех изгнанников приветливо открытый, /С его прекрасною хозяйкой молодой!»

Пребывание здесь Лермонтова – подтвержденный факт. Одним из доказательств этого «Лермонтовская энциклопедия» считает картину Лермонтова «Развалины близ села Караагач в Кахетии», на которой изображен замок царицы Тамары, находящийся на полпути между Дедоплисцкаро и Караагачем.

По предположению исследователей, Екатерина Григорьевна – один из прототипов Ээлы в «Герое нашего времени» и Тамары в «Демоне». Есть свидетели, которые видели книгу стихов Лермонтова с надписью «Екатерине Нечволодовой на память от Михаила Лермонтова», и это зна-

Неизвестный художник. Портрет Е.Г. Нечволодовой. Конец 1830-х гг.

чит, что поэт и Екатерина Григорьевна встречались и позднее, поскольку «Стихотворения» Лермонтова были изданы в октябре 1840 года.

После трагической гибели Лермонтова каждый год в день его рождения Екатерина Нечволодова с детьми приезжала к памятнику поэта в Караагаче...

М.Ю. Лермонтов. Кавказский вид возле селения Сиони. 1837-1838 гг.

«СИНИЕ ГОРЫ КАВКАЗА, ПРИВЕТСТВУЮ ВАС!»

Как уже было сказано, 25 ноября 1837 года Михаил Лермонтов был выключен из списков Нижегородского драгунского полка. Он получил новое предписание и отбыл в Россию.

Кавказская ссылка окончилась.

Но скитания по Кавказу и Грузии начали оживать в стихах, поэмах, прозе. Природа Грузии, так потрясшая поэта, памятники архитектуры, местные сказания и предания — все это оказало огромное влияние на творчество Лермонтова.

Он возвратился, исполненный потрясающих замыслов: «Герой нашего времени», «Демон», «Мцыри», «Беглец», «Ашик-Кериб», «Дары Терека», «Казачья колыбельная песня», «Тамара», «Свиданье» — все эти произведения родились в результате его странствований по Кавказу и Грузии в 1837 году.

«Такую панораму вряд ли где еще удастся мне видеть: под нами

лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую, — и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что кажется, тут бы и остаться жить навеки» («Бэла»).

Кавказ оказался для Лермонтова

не только источником вдохновения, но и темой, «любимой темой», как писал Илья Чавчавадзе, особо подчеркнувший, что в «своих мощных стихах, преисполненных поэзии, Лермонтов изобразил весь Кавказ и, в частности, Грузию».

К великому несчастью, нам не дано узнать, сколько всего было написано и задумано Лермонтовым на Кавказе, потому что почти все стихотворения, написанные им в 1837 году, потеряны безвозвратно. В 1858 году графиня Евдокия Ростопчина, поэтесса, переводчица, драматург,

М.Ю. Лермонтов. Пляска грузинок на плоской кровле. 1837

М.Ю. Лермонтов. Воспоминание о Кавказе. 1838

И.Л. Андроников

прозаик, добрая приятельница М.Ю. Лермонтова, писала Александру Дюма, который в то время находился в России: «По мере того как он оканчивал, пересмотрев и исправив, тетрадку своих стихотворений, он отсылал ее к своим друзьям в Петербург. Эти отправки причиной того, что мы должны оплакивать утрату нескольких из лучших его произведений. Курьеры, отправляемые из Тифлиса, бывают часто атакуемы чеченцами или кабардинцами, подвергаются опасности попасть в горные потоки или пропасти, через которые они переправляются на досках или переходят вброд, где иногда, чтобы спасти себя, они бросают доверенные им пакеты, и таким образом пропали две-три тетради Лермонтова».

Наверное, во избежание кривотолков, мы обязаны напомнить читателям строфу из поэмы «Мцыри»

(и так, честно говоря, хорошо всем известную):

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

Казалось бы, как мог написать такие строки Лермонтов – певец свободы, независимости, чье сочувственное отношение к борьбе народов Кавказа против власти российского самодержавия не требует доказательств?

На этот вопрос уже ответил Иракий Андроников, который подчеркнул, что Лермонтов умел отличать «Россию – великую страну» от «Российской империи», «славу царских колонизаторов» от той роли, которую «Россия была призвана сыграть в судьбе кавказских народов».

А теперь вновь обратимся к письму Лермонтова Раевскому: «Я снял на скорую руку, виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собой порядочную коллекцию». Из этой коллекции до нас дошла лишь часть.

Г.Г. Гагарин, М.Ю. Лермонтов. Эпизод сражения при Валерике 11 июля 1840

«ЗА СТИХИ МОЖНО ПРОСТИТЬ ЕМУ ВСЕ БЕЗУМСТВА»

В 1840 году последовала вторая ссылка Лермонтова на Кавказ. Она сопровождалась личным приказом императора задействовать его в военных операциях. Лермонтов принимает участие в экспедиции в соста-

ве отряда генерал-лейтенанта А. В. Галафеева. После ряда небольших стычек, 11 июля, состоялся бой при реке Валерик. В «Журнале военных действий» указано:

«Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офи-

М.Ю. Лермонтов. Всадники, стреляющие в горца

цер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием...»

В августе Лермонтов совершил еще один поход, участвуя во множестве жестоких стычек с горцами. После краткого отдыха в Пятигорске он снова в отряде Галафеева, на этот раз — в составе кавалерии. Он удивлял отчаянной храбростью всех — старых кавказских джигитов, разжалованных офицеров и казаков... «Невозможно было сделать выбора удачнее, — вспоминал сослуживец поэта, — всюду поручик Лермонтов, везде первый подвергался выстрелам хищников и во главе отряда оказывал самоотвержение выше всякой похвалы».

Галафеев представил Лермонтова к награде и направил командующему личную просьбу о его переводе в гвардию. Но Лермонтов не получил наград и не был переведен в гвардию.

В 1840 году в отряде генерала Галафеева вместе с Лермонтовым находился Константин Христофорович Мамацашвили. Он учился в Тифлисской гимназии вместе с Николозом Бараташвили, окончил Павловский кадетский корпус в Петербурге. В битвах при Валерике они сражались рядом. «Я хорошо помню Лермонтова, — вспоминал Мамацашвили, — и как сейчас вижу его перед собою, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и пере-

брошенную через плечо черкесскою шашкой, как обыкновенно рисуют его на портретах. Он был среднего роста, с смуглым или загорелым лицом и большими карими глазами. Натуру его постичь было трудно. В кругу своих товарищей, гвардейских офицеров, участвующих вместе с ним в экспедиции, он был всегда весел, любил острить, но его остроты часто переходили в меткие и злые сарказмы, не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого были направлены. Когда он оставался один или с людьми, которых любил, он становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьезное и даже грустное выражение; но стоило появиться хотя одному гвардейцу, как он тотчас же возвращался к своей банальной веселости, точно стараясь

выдвинуть вперед одну пустоту светской петербургской жизни, которую он презирал глубоко. В эти минуты трудно было узнать, что происходило в тайниках его великой души. Он имел склонность и к музыке, и к живописи, но рисовал одни карикатуры, и если чем интересовался – так это шахматною игрою, которой предавался с увлечением».

В январе 1841 года Лермонтов получает отпуск на два месяца и отправляется в Петербург. Там подает прошение об отставке, но, не дождавшись ответа, в конце апреля едет в Ставрополь. В дороге нагоняет А.А. Столыпина, в конце мая они вместе приезжают в Пятигорск и снимают квартиру.

13 июля 1841, вечером, в доме Верзилиных, где часто собиралась

М.Ю. Лермонтов. Горское селение. 1840-1841 гг.

П.Ф. Соколов. Портрет А.О. Смирновой-Россет

молодежь, развернулись роковые события...

Вызов Мартынова на дуэль оказался для Лермонтова неожиданным, — он не предполагал, что бывший товарищ по юнкерской школе окажется столь обидчив...

Поединок был назначен на 15 июля.

До места дуэли Лермонтов ехал с приятелем Глебовым и рассказы-

вал ему, что задумал новую работу: «Я выработал уже план двух романов: одного из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкой в Вене, и другого — из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове... персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране... Недели через две уже нужно бу-

П. Кончаловский. Портрет М.Ю. Лермонтова

дет отправиться в отряд, к осени пойдем в экспедицию, а из экспедиции когда вернемся!»

В тот же день между шестью и семью часами вечера у подножия горы Машук при секундантах М.П. Глебова и А.И. Васильчикове состоялась дуэль Лермонтова с Мартыновым. Шел ливень, бушевала гроза... Когда Мартынов и Лермонтов вышли к барьеру, всем стало понятно, что Лермонтов стрелять не будет: его правая рука с пистолетом была поднята вверх. Но Мартынова это не остановило. Он убил Лермонтова наповал. Участники настолько растерялись, что поспешно уехали в город. Оставили на месте Глебова, но и он вскоре уехал, чтобы

доложить обо всем начальству. Тело Лермонтова так и пролежало там до позднего вечера...

Поэта похоронили в Пятигорске. Другим удалось предать Лермонтова земле по православному обряду...

Примечательные воспоминания оставила в своих записных книжках А.О. Смирнова-Россет: «Великий князь Михаил провел у меня вечер, и мы говорили о Лермонтове. Он сказал: «Будь я уверен, что его убьют, я послал бы его в экспедицию»... Он жалеет Лермонтова, хотя последний и оскорблял все военные идеи великого князя. Он ему был симпатичен, и он даже сказал мне, что предлагал Лермонтову оставить военную служ-

М.Ю. Лермонтов. Развалины на берегу Арагвы в Грузии. 1837

Памятник М.Ю. Лермонтова на Военно-Грузинской дороге

бу. «Представьте себе, что он мне ответил: я люблю эту службу и предпochитаю ее всякой другой! Это был беспокойный, подвижный и в высшей степени странный характер! Это – не Пушкин. Жить одному в деревне, в продолжении двух лет, и выйти оттуда, полным жизни, гения, вполне созревшим – разве Лермонтов способен был на это, да он бы умер. Пушкин находил все в себе, он был гениален. Лермонтов не мог жить собственным внутренним содержанием, собственной глубиной».

И далее: «Государь говорил со мною о Лермонтове, и я напомнила ему стихи на смерть Пушкина. Он сказал мне: «Стихи прекрасны и правдивы; за них одних можно простить ему все его безумства... Я не за это ссылал его... Я ненавижу дуэль, это варварство, на мой взгляд, в ней нет ничего рыцарского».

В дуэли с Мартыновым Лермонтов оставался рыцарем.

Он бы выстрелил в воздух...

Источники:

М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в 4-х томах. Москва, 1969

Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. Москва, 2013

Андроников И.Л. Лермонтов в Грузии в 1837 году. Тбилиси, 1958

Бурнашев В. П. Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников. Москва, 1989

Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. Москва, 1987

Ениколопов И.К. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, 1940

Лермонтовская энциклопедия. Москва, 1981

Мануйлов В.А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. Москва-Ленинград, 1964

М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. Москва, 1989

Панаев И.И. Литературные воспоминания. Москва, 1988

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. Москва, 1989. Серия «Литературные памятники».

Шадури В.С. За хребтом Кавказа. Тбилиси, 1977

М.Ю. Лермонтов. Крестовая гора. 1837-1838гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	5
«НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ...»	6
«ВСЕ, ВСЕ В ЭТОМ КРАЕ ПРЕКРАСНО»	18
ПО ПУТИ В ГРУЗИЮ	24
ЗАГАДКИ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, ВЕРСИИ	27
В ПОЛКУ	45
ДОМ НЕЧВОЛОДОВЫХ	49
«СИНИЕ ГОРЫ КАВКАЗА, ПРИВЕТСТВУЮ ВАС!»	52
«ЗА СТИХИ МОЖНО ПРОСТИТЬ ЕМУ ВСЕ БЕЗУМСТВА»	57
ИСТОЧНИКИ	65

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ჭეშმარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს – უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად – „გრუზინი“, ახლა – ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით – მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ – რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

При финансовой поддержке:
**«Департамента внешнеэкономических и международных
связей города Москвы» и «Правительства Москвы»**

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

«ГОРЫ КАВКАЗСКИЕ ДЛЯ МЕНЯ СВЯЩЕННЫ»

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

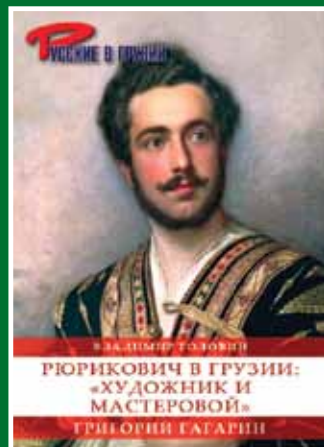
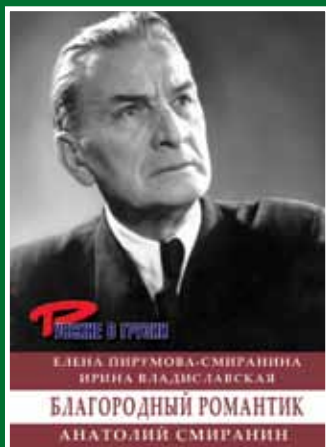
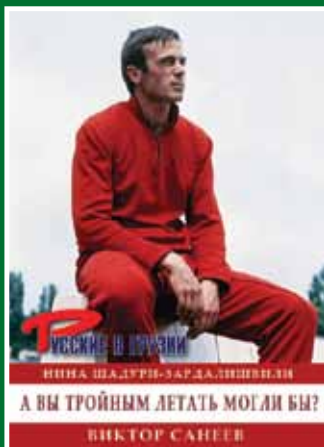
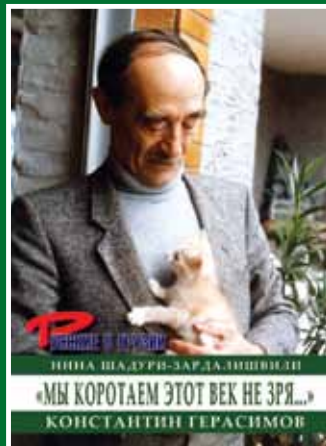
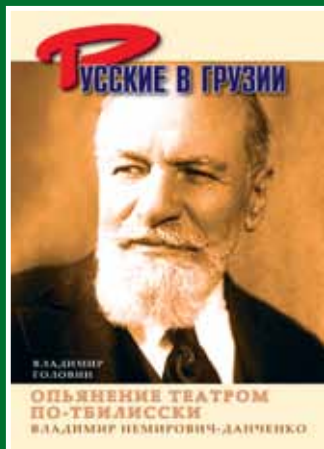
Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ

Использованы фотографии из открытых источников

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

Нина Шадури-Зардалишвили – филолог, литературовед, журналист. Заведующая литературной частью Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Член редколлегии журнала «Русский клуб». Член Союза писателей Грузии. Лауреат Национальной премии «Золотое перо Руси» за книгу «Высоцкий в Грузии» (издательство «Либрика», Россия). Автор статей по теории литературы. Участник ряда международных конференций по вопросам русской филологии. Автор, соавтор, составитель, редактор более 20-ти художественных, научных, публицистических и популярных изданий.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный артист РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч человек из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 550 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий книг «Русские в Грузии», «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

